

ДЛЯ АРТИЛЕРІИ СРОКЪ ОБУЧЕНІЯ НЕДОСТАТОЧЕНЪ.

Какъ я ни старался спокойно дочитать «Обученіе молодыхъ солдатъ артилеріи» въ № 204 «Р. Инв.» 1913 г., напоминая себѣ принципы, что каждый воленъ имѣть и высказывать свое собственное о чемъ бы то ни было мнѣніе, и что «не любо—не слушай...», я всетаки не могъ побѣдить досаднаго чувства по поводу взглядовъ на службу артилериста; причемъ въ головѣ начинали вставать образы упавшихъ съ луны селенитовъ, почему то вытѣсняя образы строевиковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ строевикъ, въ какомъ бы онъ родѣ войскъ ни служилъ, не выскажетъ о службѣ въ артилеріи и ея боевой подготовкѣ и десятой доли тѣхъ... наивностей, что ли, которыя авторъ «Обученія молодыхъ солдатъ артилеріи» приводитъ, однакъ о какъ отправныя данныя, какъ доказательства, какъ общеизвѣстные факты или истины.

Развѣ не трогательная наивность—ключомъ бьющая во всей его статьѣ увѣренность, что «канониры», т.-е. пункари, предназначаются только для манипуляцій около орудія, каждый номеръ неизмѣнно на своемъ мѣстѣ и... только на мирное время.

Э-э-хъ!.. Не ставаль, видно, авторъ за номеровъ при орудіи, не учивался «канонирскому» искусству, не штудироваль, видно, даже первоначальнаго орудійнаго устава; не служиваль въ батарееѣ.

А жалъ! Изъ одного орудійнаго устава всякому становится ясно, что орудіе предполагается не въ паркѣ хранить, а доставлять его и послѣ дѣйствовать имъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, да и на театрѣ военныхъ дѣйствій оно не будетъ неподвижно, а напротивъ будетъ все время въ движеніи совмѣстно съ полевыми войсками. Изъ орудійнаго же устава почти съ самаго начала можно видѣть, что на войнѣ 8—10 номеровъ (а «не прислуги»—какъ весьма не «этически» выражается о канонирахъ авторъ) на орудіе—не безсмертны, а потому будутъ терпѣть убыль. Также не предполагаются бессмертными и неубывающими и фейерверкеры (почему уставъ и предписываетъ имъ назначать себѣ замѣстителей изъ номеровъ; значить номера должны быть подготовлены).

Въ виду боевого назначенія артиллеріи—драться, убивая и умирая, терпя потери—уставы полевой артиллеріи и программы занятій съ молодыми и не молодыми, вопреки «доказательствамъ» автора, предполагають обучать не только согласованности (слаженности) «компаніи» изъ 8—10 номеровъ орудія, но сначала—каждаго «номера» поочередно дѣйствіямъ cadaго изъ 8—10 номеровъ, а потомъ, чтобы эта «компанія» во всѣхъ комбинаціяхъ дѣйствовала слаженно и согласно (вспомните призовую стрѣльбу).

Вотъ пусть бы авторъ на собственномъ опытѣ узналъ—сколько ему самому потребуется недѣль для основательнаго изученія дѣйствій cadaго изъ 8—10 номеровъ во всѣхъ комбинаціяхъ при уменьшеніи номеровъ на 1, на 2, на 3 и т. д., т.-е. изучить въ той же согласованности и дѣйствія за двоихъ, за троихъ.

Если вспомнить—какъ трудно обучить было въ прежнее время вздваиванію рядовъ, когда первые номера дѣлали одно, а вторые другое, то станетъ понятнымъ, что «компанію» изъ 8—10 человекъ обучить раздѣльнымъ дѣйствіямъ, притомъ хотя механическимъ, но въ зависимости другъ отъ друга и въ согласованности, несравненно, труднѣе и въ много разъ продолжительнѣе, чѣмъ одного.

Но и этимъ изученіемъ многихъ комбинацій дѣйствій при орудіяхъ не ограничивается подготовка артиллериста или канонира. Можетъ быть автору до сихъ поръ не удалось видѣть хотя на маневрахъ, какъ орудія не только стрѣляютъ, но и переѣзжаютъ на шестеркѣ лошадей, причемъ каждой парой управляетъ ѣздо-

вой, но опять таки не самостоятельно, не отдѣльно, а въ полномъ согласованіи съ другими двумя ѣздовыми, причемъ очень сложная наука—гдѣ и какъ надо поставить каждую лошадь, чтобы не помѣшать, а усилить полезное дѣйствіе остальныхъ; гдѣ и какую лошадь двинуть впередъ на $\frac{1}{2}$ головы, въ сторону; гдѣ какой парѣ тянуть или не тянуть и т. д., и т. д. Опять таки надо учить разнымъ комбинаціямъ: за ѣздоваго 1-го уноса, 2-го уноса и за коренного. Ничего подобнаго въ другихъ родахъ войскъ нѣтъ: тамъ каждаго учать чему-нибудь одному, а не множеству комбинацій служебныхъ дѣйствій.

Канониръ—конечно пушкарь (буквальный переводъ отъ слова «сапоп»-пушка), но очевидно, повторю, что онъ долженъ знать не только какъ дѣйствовать съ пушкой, но и какъ ее перевозить. Отсюда очевидно, что только того можно назвать канониромъ или пушкаремъ (полевымъ), кто сумѣетъ и стрѣлять изъ пушки, и патроны приготовить, и съ угломѣромъ, и прицѣломъ, и буссолюю обращаться, и орудіе возить и одиночно верхомъ за посыльнаго, ординарца, да и развѣдчика ѣзживать и скакать.

«...Какъ то странно видѣть», пишетъ авторъ, «что нынѣ, еще не закончивъ курса обученія молодого солдата, *какъ артилериста*, мы выдѣляемъ уже часть молодыхъ канонировъ для выработки изъ нихъ *не канонировъ* ¹⁾, а какихъ-то ѣздовыхъ...» Дальше авторъ пишетъ: «уступая потребностямъ въ ѣздовыхъ» (покорно благодаримъ за уступку да еще съ признаніемъ только «потребности», а не неизбѣжной необходимости въ ѣздовыхъ!) «и считая, что наиболѣе продуктивныя занятія начинаются съ ранней весны, выгодно къ этому времени, *то-есть къ 1-му марта, закончить полный курсъ обученія канонира*».

Если здѣсь и есть что нибудь странное, такъ это... представленіе автора о «канонирѣ», какъ будто не обязанномъ обучаться и ѣздѣ и управленію лошадей, парой лошадей и шестеркой лошадей, согласно съ 2-мя другими, для передвиженій пушки. Еще «страннѣе» выраженіе поэтому—«для выработки изъ нихъ *не канонировъ* ²⁾, а *какихъ то* ³⁾ ѣздовыхъ. А всего страннѣе представленіе автора о полномъ (?!) курсѣ канонира», но однако безъ солиднѣйшей части курса—обученія ѣздѣ, одиночной, парной, въ орудіи...

Еще разъ: всякій воленъ *про себя* считать свое мнѣніе аксіомой

1) Курсивъ автора.

2) Курсивъ автора.

3) Курсивъ мой.

или дѣйствительностью, совершившимся или совершающимся фактомъ, но публично выдавать свои представленія за фактъ и высказывать подобнымъ безапелляционнымъ образомъ мнѣніе за аксіому—можно или разсмѣшить, или раздосадовать читателя.

Если автору кажется, что за лѣсомъ должны быть рисовыя поля, а не сады, то пусть онъ и скажетъ, что «ему это кажется», но выдавать наивныя предположенія и воображенія, какъ въ данномъ случаѣ—о сущности обученія въ артилеріи и ходѣ этого обученія въ дѣйствительности, за повсемѣстный, т.-е. за общій дѣйствительный фактъ—будетъ введеніемъ въ заблужденіе всѣхъ, не имѣющихъ близкаго соприкосновенія съ этимъ обученіемъ.

Смутныя и наивныя представленія о якобы «несложности» службы въ полевой батареѣ, сравнительно съ другими родами войскъ, особенно (?) съ пѣхотою, а потому несложности обученія молодыхъ въ артилеріи, распространяемые не только ослѣпленными фанатиками, но и поддававшимися этому фанатическому натиску, и были причиною того, что нѣкоторые общевойсковые ⁴⁾ начальники, какъ, напр., начальники дивизій, командиры корпусовъ, стали ставить батареи въ безвыходное по обученію людей положеніе, навяжая артилерію (вопреки устава, но уступая настоятельнымъ просьбамъ пѣхоты) въ караулы, чередуя съ пѣхотою.

Чтобы парализовать сугубо-скверныя послѣдствія распространенія подобныхъ наивныхъ представленій о легкости службы и обученія въ полевой артилеріи, необходимо противопоставить общимъ мѣстамъ выражений въ родѣ того, что «...какъ извѣстно, современныя требованія, предъявляемые къ пѣхотинцу, значительно болѣе сложны и обширны, чѣмъ которыя необходимы для молодого артиллериста...», фактическую службу и *сравнить* программы обученія и «требованій» для пѣхоты и артилеріи.

Вотъ тогда и увидимъ—извѣстно ли кому-нибудь, на самомъ дѣлѣ, что требованія къ пѣхотинцу «значительно болѣе сложны и обширны», чѣмъ къ артиллеристу, или это только поется со словъ нѣсколькихъ фанатиковъ-фантастовъ, сердобольно расхныкавшихся надъ «многострадалностью» пѣхоты подобно тому, какъ раньше хныкали надъ «страданіями народа». Увидимъ—какія же это требованія и какая это процедура по выработкѣ «одиночнаго бойца». Въ вѣкъ миллионныхъ армій говорить о «современныхъ тре-

⁴⁾ Общеармейскіе, но не пѣхотные, какъ нѣкоторые настаиваютъ. Вѣдь ясно, разъ начальникъ командуетъ нѣсколькими родами войскъ, то онъ уже общевойсковой начальникъ, а не только пѣхотный.

бованіяхъ выработки одиночныхъ бойцовъ какъ будто не совсѣмъ здорово и «современно», но чѣмъ непонятнѣе хлесткое выраженіе, тѣмъ меньше бояться вопросовъ—а что такое «одиночный боецъ». зная, что мало кто первый рѣшится сознаться, что ему непонятно столь эпически красивое слово, напоминающее богатырей и «одиночныхъ» индѣйцевъ, послѣднихъ моголанъ.

Вмѣсто загадочно-неопредѣленныхъ выраженій—«современныя требованія»—лучше просто посмотрѣть эти требованія въ программахъ и сравнить послѣднія для пѣхоты и артиллеріи. Тогда и увидимъ, какія—«значительно болѣе сложны и обширны».

И вотъ, если вникнуть хорошенько въ то, чему долженъ быть обученъ пушкарь, при какихъ условіяхъ происходитъ это обученіе и насколько основательны и *полны* его знанія своего дѣла при уходѣ въ запасъ, то придется придти къ заключенію, *что для артиллеріи 3-лѣтній срокъ службы — недостаточенъ. Во всякомъ случаѣ увольненіе въ запасъ старшихъ сроковъ должно имѣть мѣсто не раньше февраля мѣсяца*, и именно изъ-за того слона, котораго авторъ не замѣтилъ въ артиллеріи, а именно—лошадей.

Въ нормальныхъ батареяхъ, т.-е. не уменьшенныхъ въ конскомъ составѣ, по выдѣленіи неизбѣжныхъ безчисленныхъ командъ (учебной, ремонтной для лошадей, полицейской, трубаческой и музыкантской, писарской, кузнечныхъ учениковъ, ветеринарно-фельдшерскихъ учениковъ, просто фельдшерскихъ, гимнастическо-фехтовальной и пр.), а также наряда внутренняго и «посыльными», не только на каждаго ѣздоваго, но и на орудійнаго номера приходится на попеченіе по 3 лошади; въ дни карауловъ—свыше трехъ (иногда до 5—6, а безъ новобранцевъ—еще больше). Когда же $\frac{1}{3}$ уходитъ въ запасъ и прибываютъ новобранцы, то нѣтъ никакой возможности не начать ихъ обучать съ 1-й же недѣли знанію лошади, обращенію съ ней, уходу за ней, правиламъ чистки, кормленія, поенія и всему изложенному въ Уст. вн. сл. по сему предмету для того, чтобы дать имъ убирать лошадей (согласно программы), и съ 1-хъ же недѣль не начать обучать ихъ ѣздѣ, въ виду тѣхъ элементарныхъ соображеній, что верховой ѣздѣ обучать смѣну свыше 10—12, много 15, чловѣкъ—принесетъ мало пользы, да и не всегда представляется возможнымъ, слѣдовательно, придется разбивать на 10—9 смѣнъ⁵⁾. Поэтому пройти со всѣми хоть сколько-нибудь основательно самое

⁵⁾ Больше же одной смѣны въ день нельзя по многимъ причинамъ, даже тамъ, гдѣ устроены манежи, такъ какъ для очереди батареѣ приходится не болѣе часа, двухъ.

необходимое для артилериста по ѣздѣ за два мѣсяца—вещь немыслимая, если желать большаго, чѣмъ простое: «чего тамъ учить ѣздить въ артилеріи? Посади кого угодно—и поѣдетъ, и пушку повезетъ».

Помимо программъ и уставовъ ясно, что для того, чтобы умѣть ѣздить какъ слѣдуетъ и безъ отказа въ нужную минуту, *каждый* полевой артилеристъ долженъ пройти школу ѣзды обыкновенной, а затѣмъ парной и въ запряжкѣ въ орудіи. И буквально перо не повинуется, совѣстясь доказывать слишкомъ явную очевидность—преимущественную необходимость «канониру» умѣть ѣздить верхомъ и управлять лошадьми въ орудійной запряжкѣ, а затѣмъ важность и сложность этого отдѣла обученія. Но какъ не напомнить, когда авторъ исключаетъ ѣзду совсѣмъ изъ «полнаго курса канонира, презрительно отзывается о выработкѣ «какихъ-то ѣздовыхъ», а, напримеръ, занятія пѣшимъ строемъ («сомкнутымъ»)—какъ онъ выразился) считаетъ «столь важными отраслями» (включая сюда и «отданіе чести»).

Ну, вотъ и поди-жъ ты, какія мнѣнія получаютъ права гражданства! Казалось бы, что *отданіе чести и сомкнутый строй для артилеріи* — не будутъ примѣняться въ бояхъ никогда, и не придумать случая, чтобы сомкнутый строй для артилеріи и отданіе чести оказали въ бояхъ какую бы то ни было пользу. Это не боевые качества и равняться съ умѣніемъ ѣздить верхомъ не могутъ. Авторъ находитъ, что это воспитательныя средства, но для выработки боевой лихости, молодечества вообще изъ воспитательныхъ средствъ воинскихъ—нѣтъ ничего выше коня. *Конемъ воинъ вырабатывается лучше всего* (замѣтьте: лучшая дисциплина въ кавалерійскихъ частяхъ). Притомъ сомкнутый строй можетъ быть и конный. А потому, думается мнѣ, пѣшій сомкнутый строй ставится впереди обученія ѣздѣ очевидно только изъ почтительнаго страха передъ строгими ревнителями преимуществъ главнаго рода войскъ и поклонниками всего того, что имѣетъ отношеніе къ этому роду войскъ.

По моему же личному мнѣнію, пѣшій сомкнутый строй полезенъ и его слѣдуетъ примѣнять вездѣ гдѣ только можно (водитъ команды на обѣдъ и всюду), но нельзя же изъ-за него стулья ломать и надо признать обученіе ѣздѣ **еще болѣе необходимымъ** отдѣломъ обученія и **воспитанія** канонира.

Итакъ, ясна необходимость дать молодому солдату въ полевой артилеріи лошадь на попеченіе (для уборки), а потому ознакомленіе съ уходомъ за нею и обученіе ѣздѣ—опредѣляютъ и бѣльшій срокъ обученія молодыхъ солдатъ въ артилеріи, чѣмъ въ пѣхотѣ.

Сравнивая вообще програму обученія молодыхъ солдатъ въ пѣхотѣ и артилеріи, приходится убѣждаться въ несравнимо большемъ объемѣ, трудности и сложности подготовки пушкаря передъ пѣхотинцемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сверхъ общихъ отдѣловъ обученія, одинаково вырабатывающихъ воина, въ артилеріи проходитъ вмѣсто одной винтовки, къ которой или къ подобію которой, къ слову сказать, весь народъ привыкаетъ еще съ измалства, цѣлая уйма сложныхъ машинъ, непривычныхъ, а потому трудныхъ для пониманія. Хотя авторъ «не думаетъ, чтобы изученіе матеріальной части артилеріи было бы для новобранца-простолюдина труднѣе, нежели изученіе матеріальной части нашей винтовки»... да еще съ приученіемъ, говоритъ онъ, молодого пѣхотинца самостоятельно и хорошо выполнять разборку, чистку и сборку винтовки....

Но въдъ въ артилеріи всю ея специальную матеріальную часть приходится изучать *сверхъ* матеріальной части винтовки, такъ какъ, если не совсѣмъ винтовкой, то всетаки чѣмъ нибудь вродѣ ея каждый артиллеристъ вооружается, какъ, напримѣръ, или карабиномъ и кинжаломъ, или револьверомъ и пашкой. Та же «сборка, разборка, чистка».

Но съ теоретической точки зрѣнія, если не винтовку, то подобіе ея—охотничье ружье, видѣлъ навѣрно каждый новобранецъ, интересовался ею, стрѣлялъ изъ него еще до службы. И чистка ружья, вопреки мнѣнію автора, для новобранца особой трудной науки не представитъ послѣ нерваго же показа, ибо всѣ до одного новобранцы и безъ науки понимаютъ и понимали раньше что получится, если не почистить ружье. Понимать ружье—тоже начинаютъ съ дѣтства, и не нужно учителю напрягаться и тужиться въ приисканіи объясненій, доступныхъ простолюдину. Винтовка—доступна пониманію любого простолюдина.

Совсѣмъ не то съ пушкой, ея снарядами и со всей къ ней принадлежностью. И тѣ, кто были въ пѣхотѣ и послѣ въ артилеріи (нижніе чины и офицеры), всегда подтверждали это.

Да это легко было бы провѣрить и практически, давши для изученія двумъ одинаково неподготовленнымъ новобранцамъ: одному винтовку, другому пушку.

Очевидно, что, собственно для стрельбы только, подготовка новобранца у винтовки крайне несложна: надо только научиться ставить прицѣлъ, понять дѣйствіе затворомъ и сразу налечь на спусковку: а) брать ровную и по серединѣ мушка; б) не сваливать винтовки; в) ровно и плавно спускать спускъ, нажимая среднимъ суставомъ указательнаго пальца, и г) пригонки приклада въ выемку плеча и ровнаго, свободнаго состоянія на обѣихъ ногахъ (если стоя).

Не то у пушки. Тутъ никакъ не приступишь къ ней, не усваивая сначала дѣйствія такихъ сложныхъ вещей, какъ угломѣръ, уровень, т.-е. не усвоивъ понятій объ углахъ въ зависимости отъ окружностей разныхъ діаметровъ (кстати сказать, не только новобранцы, но и офицеры съ трудомъ достигаютъ механическихъ исполненій команды по угломѣру и уровню и часто бываетъ вмѣсто «вправо» — «влѣво», особенно если точка назад; вмѣсто «раздѣлить огонь» — «соединить огонь»). Повторю: для изученія дѣйствій съ угломѣромъ — недостаточно всего курса. А какъ трудно дать понятіе о параллельности, чтобы научить ставить свое орудіе параллельно? А понятіе о наименьшемъ прицѣлѣ? А понятіе о 2-й пушкѣ-шрапнели и ея дистанціонной трубкѣ, которая одна куда сложнее всей винтовки для полнаго пониманія ея дѣйствія? Но надо ознакомить и съ гранатой и съ ея трубкою — тоже машиною.

Но въ то же время нельзя, подобно пѣхотинцу-новобранцу, сидѣть надъ одной винтовкою или пушкою. Надо ознакомить и съ подъемнымъ и поворотнымъ механизмами, и съ зарядными ящичками, и со всей матеріальной частью, и съ аммуниціемъ (всѣ номера обязаны), и съ самой аммуниціей, и съ сѣдломъ, и съ сѣдловкой.... Но довольно! Какъ будто и теперь не ясно, что на усвоеніе этого потребуется больше времени, чѣмъ пѣхотному. А потому слѣдовало бы увеличить и сроки подготовки и сроки службы въ артилеріи.

А. Д.

